

В.Н. Чернега

**«ПРОРЫВ» ИЛИ ОТСТАВАНИЕ?
РОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются возможности России совершить экономический и технологический «прорыв», императивность которого, как справедливо подчеркивает российская власть, не перестает возрастать. В современном мире, который становится все более конкурентным, Россия, по словам президента РФ В.В. Путина, без такого «прорыва» рискует «отстать навсегда». Необходимость «прорыва» диктуется и тревожными демографическими тенденциями, уменьшением численности рабочей силы.

Автор анализирует факторы, которые делают экономику восприимчивой к инновациям и новым технологиям. Речь идет, в частности, о конкуренции, высокой стоимости рабочего места, свободной предпринимательской инициативе. В центре внимания состояние социальной сплоченности общества, без которой невозможно обеспечить устойчивое качественное развитие экономики. Затрагивается также проблема гибкости политической системы, ее способности своевременно создавать условия для экономических реформ, отвечающих вызовам времени. Во всем этом Россия пока существенно уступает передовым странам. В ее экономике слишком велик вес государства, что уже препятствует конкуренции и развитию мелкого и среднего бизнеса. Административное и коррупционное давление раздутого бюрократического аппарата и правоохранительных органов еще более усугубляют трудности этого сектора. В целом экономическая инициатива и самодеятельная инновационная деятельность российской системой, вопреки объявляемым намерениям, не поощряется, а подавляется. Заработная плата и пенсии в России значительно меньше, чем в западных государствах. Особенно тревожной является социальная маргинализация ученых и вызываемая этим «утечка мозгов» за рубеж. Увеличивающийся разрыв между бедными и богатыми подрывает и без того слабую социальную сплоченность общества. Политическая система, в силу ее чрезмерной жесткости, не позволяет участвовать в модернизационных процессах живым силам общества.

В заключительной части статьи затрагивается вопрос о реформах, без которых экономический и технологический «прорыв» вряд ли состоится. Отмечается, что эти реформы, потребуют, с одной стороны, большой политической воли, с другой – осмотрительности.

Ключевые слова: «экономический и технологический прорыв»; конкурентоспособность; социальная сплоченность; гибкость политической системы.

Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук,
Чрезвычайный и Полномочный Посланник,
консультант Совета Европы, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.
E-mail: vladimir.tchernega@free.fr; tchernega@gmail.com

V.N. Chernega. «Breakthrough» or Lag? Russian Project in the Contemporary World

***Abstract.** The article is dedicated to the chances of Russia to make an economic and technological «breakthrough», the imperativeness of which, as rightly emphasized by the Russian authorities, never ceases to grow. In the contemporary world, which becomes more and more competitive, Russia without such a «breakthrough», according to the President of the Russian Federation Vladimir Putin, risks «falling behind forever». The need for the «breakthrough» is dictated by alarming demographic trends, a decrease in the number of labour force.*

To this connexion, the article considers the situation in the country with the factors that make the economy susceptible to innovation and new technologies. There is the question, namely, of competition, high cost of the workplace, free re-entrepreneurship initiative. The state of social cohesion of society, without which it is impossible to ensure a sustainable high-quality development of the economy, is analyzed. The problem of flexibility of the political system, and its ability to create conditions for economic reforms that meet the challenges of the time, is also touched upon.

By all these factors Russia is significantly inferior to the advanced countries. In its economy, the weight of the state is too large, which already impedes the development of small and medium-sized businesses. The administrative and corruption pressure of the bloated bureaucracy and law enforcement agencies further aggravates the difficulties of this sector. In general, the economic initiative and independent innovation activity, contrary to the declared intentions, is not encouraged, but suppressed by the Russian system. The wages and pensions in Russia are in order of magnitude lower than in Western states. Particularly disturbing is the social marginalization of the scientists and the resulting «brain drain» abroad. The widening gap between the poor and the rich undermines the already weak social cohesion of the society. The political system, because of its excessive rigidity, does not allow the living forces of the society to participate in the modernization processes.

The final part of the article addresses the issue of reforms, without which the economic and technological «breakthrough» is unlikely to take place. It is especially noted that these reforms will require, on one hand, a great political will and, on the other hand, prudence.

Keywords: «economic and technological breakthrough»; competitiveness; social cohesion; flexibility of the political system.

Chernega Vladimir Nikolaevich – Doctor of Juridical Sciences,
Extraordinary and Plenipotentiary Envoy, Consultant of the
Council of Europe, Leading Researcher, Institute of Scientific
Information on Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN). E-mail: vladimir.tchernega@free.fr;
tchernega@gmail.com

Феномен России, как известно, вызывает сегодня на Западе (и не только там) противоречивые комментарии. Одни называют ее «угасающей» или региональной державой. Другие считают, что она располагает достаточной мощностью, чтобы вмешиваться чуть ли не во все процессы, происходящие в современном мире, особенно в западных государствах, с целью подорвать демократию и насадить вместо нее авторитарную модель правления. Третьи придерживаются одновременно обеих точек зрения, ничуть не смущаясь видимого противоречия. Всех их объединяет враждебность к России и существующему в ней политическому режиму. Но есть и те, кто восхищается страной и ее лидером. Их, в частности, много среди сторонников движений, которые на Западе принято называть «популистами» (хотя на самом деле в большинстве случаев это – приверженцы национального суверенитета и национально-культурной идентичности).

Конечно, многое в этих противоречиях объясняется беспощадной пропагандистской войной между Западом и Россией, в которой все средства хороши и где с обеих сторон участвуют политики, чиновники, люди творческих профессий, журналисты, а также штатные или внештатные пропагандисты, переодетые в «экспертов». Вместе с тем разноречивость во мнениях имеет и объективную основу, а именно: сложность, многогранность самого объекта внимания. Ведь вопрос о том, что представляет собой современная Россия и каковы ее перспективы, вызывает споры и в ней самой. Для одних стакан хотя бы наполовину полон, для других – как минимум наполовину пуст. В последнее время к этому прибавились рассуждения о таинственном, недоступном для понимания русском народе. Российская же власть в целом придерживается простой и до поры до времени эффективной установки: «все хорошо, а будет еще лучше», если, конечно, снова не помешают внешние супостаты.

С учетом того что Россия является частью уже довольно сильно глобализованного мира и, соответственно, зависит от него, прежде чем внести свою скромную лепту в эти обсуждения, стоит сначала попытаться без предубеждений взглянуть на этот мир. В доминирующем дискурсе в России и на Западе его состояние определяется термином «кризис». В той или иной степени кризис переживают мировая экономика (а вместе с ней и политика неолиберальной глобализации), мировой порядок, установленный США и их союзниками после исчезновения СССР, а в широком плане – капитализм и демократия. На конкретном уровне очевидно кризисное состояние Европейского союза и политической системы США (впрочем, оно большей частью так или иначе связано с упомянутыми кризисами). Конфронтация между РФ и Западом, торговая война между США и Китаем, за которой стоит призрак борьбы за мировое лидерство, являются частью кризиса мирового порядка. Следует сказать и об уже давно вырисовывающемся кризисе международной стратегической стабильности, прежде всего из-за подрыва системы

договоров между США и РФ, гарантировавших определенный паритет между ними в области ракетно-ядерных вооружений.

Все эти кризисные явления бесспорны. Однако за исключением кризиса стратегической стабильности, чреватого опасностью неспровоцированной ядерной войны, они не носят критического характера. Драматизация их в значительной мере связана с ослаблением исторической памяти, свойственного современному сверхскоростному «информационному» обществу, в котором из-за нарастающего вала информации даже события двухлетней давности кажутся давней историей. На самом деле в не таком уж далеком прошлом человечество переживало гораздо более серьезные кризисы. Достаточно вспомнить Первую мировую войну, Великую депрессию начала 30-х годов, Вторую мировую войну.

Для автора этих строк, прожившего длительное время в Западной Европе и предметно представляющего себе как функционирует западное общество, нет причины сомневаться в том, что переживаемые США и Европейским союзом кризисные ситуации будут рано или поздно преодолены. Кризис, как известно со времен Г. Гегеля, есть способ разрешения накопившихся противоречий, а существующие в западных странах экономические и политические системы, при всех видимых недостатках, обладают достаточной гибкостью и эффективностью, чтобы со временем их разрешить. Несмотря на нынешние трудности, США и даже ЕС представляют собой в целом успешные проекты и именно поэтому они столь притягательны для мигрантов из самых различных стран мира, в том числе для высококвалифицированных работников и ученых. ЕС, скорее всего, не станет в обозримом будущем «мировым центром силы», как мечтает президент Франции Э. Макрон, но он вряд ли распадется, поскольку в основе его лежат экономические интересы – лучшая мотивация для любого объединения. Евроинтеграция наносит ущерб тем или иным отраслям экономики и стоящим за ними социальным категориям, она несет часть ответственности за миграционный кризис, но в целом выгоды от нее существенно превышают негатив. Отсюда тот факт, что, как показывают опросы общественного мнения в государствах-членах, даже в Греции, поставленной Евросоюзом в ситуацию жесткой долговой кабалы, более половины населения поддерживают членство в ЕС. При проведении повторного референдума в Великобритании противники «Брекзита», судя по имеющимся данным, тоже могли бы оказаться в большинстве. Вместе с тем нынешнее кризисное состояние ЕС вынуждает его лидеров вносить серьезные коррективы в интеграционный процесс, выражающиеся, например, в линии Франции и ФРГ (концепция «Европы двух скоростей»), что одновременно усложняет конструкцию ЕС и делает ее гибче и живучее.

Глобализация продолжится, поскольку формирование единой мировой экономики и единого человечества является объективным движением, разви-

вающимся по тем же неумолимым законам, что и природа. Новый импульс придает глобализации технологическая революция, основанная на цифровых технологиях и развитии искусственного интеллекта. Но, конечно, это будет не линейный процесс, а его темпы и формы будут более адаптированными к существующим международным и национальным реалиям. «Трампизм» в США вряд ли является «эпизодом», как надеются неолиберальные элиты по обе стороны океана, но он не означает и полного разрыва с глобализацией, поскольку это нанесло бы слишком большой ущерб американской экономике и геополитическим интересам глобальной державы США. Речь, скорее, идет о создании нового баланса между открытостью и протекционизмом, между ресурсами, выделяемыми на внутреннее развитие и внешнеполитические цели.

Фактор успешности национальных и международных проектов (альянсы, интеграционные группировки) всегда являлся определяющим в эволюции международного порядка. Не является исключением и нынешний этап. Мир пока не стал реально многополярным и сегодняшнее бесцеремонное поведение США на международной арене это подтверждает. Однако успешное развитие Китая и Индии, бесспорно, приближает такую перспективу. Россия также стремится превратиться в один из «мировых полюсов» или по меньшей мере в «центр гравитации» евразийского континента, что является естественным для самой большой страны мира, которая совсем недавно была одной из двух мировых сверхдержав. Более того, «державный» статус ей необходим, чтобы просто сохранить свою огромную территорию, на которой, помимо русских, компактно проживают десятки других национальностей, характеризующихся огромным культурно-ментальным разнообразием.

Главная проблема России состоит как раз в том, что, являясь частью глобализированного мира, в котором нарастает экономическая, технологическая и геополитическая конкуренция, она пока не является достаточно успешным проектом. Ее шансы на успешность в мировой гонке очень невелики. Она уже проиграла, например, демографическое соревнование с основными сегодняшними державами, к которым постепенно подтягиваются другие претенденты на «державность». Стоит напомнить, что в России проживают сейчас 146 млн человек, в США – 340 млн, в Китае – 1,4 млрд, в Индии – 1,38 млрд, в Индонезии – 269 млн, в Пакистане – 215 млн, в Бразилии – 209 млн, в Нигерии – 200 млн. Одним из последствий глобализации стало относительное, но ощутимое сокращение разрыва в производительности труда на душу населения между развитыми и развивающимися странами. При продолжении этой тенденции будет возрастать роль численности населения как фактора международной конкуренции, соответственно самые населенные государства имеют больше шансов на высокое место в «табели о рангах» держав, чем малонаселенные.

Российской власти удалось после 2000 г. повысить коэффициент рождаемости с 1,21 до 1,76, что можно считать крупным успехом. Однако даже простое воспроизводство населения обеспечивается при коэффициенте 2,1, прирост же его требует более высокой рождаемости. Она же, напротив, в последние два года стала понижаться. К тому же страна одновременно попала в «демографическую» яму, связанную с низкой рождаемостью в 90-е годы. Новые меры по поддержке семей с детьми, особенно многодетных, объявленные в февральском послании 2019 г. Президента РФ Федеральному Собранию, сами по себе очень правильные, но по общему мнению специалистов являются недостаточными, чтобы переломить негативную тенденцию.

Конечно, трудная демографическая ситуация характерна не только для России. В Германии, например, низкий уровень рождаемости и старение населения побудили Министерство экономики на неоднократные прогнозы, что в 2050 г. этой стране будет недоставать примерно половины необходимых трудовых ресурсов. Существующие уже сегодня трудности явились одной из главных причин великодушия А. Меркель в отношении волны мигрантов, проявленного ею в 2015 г. («мы справимся...»), по сути стоившего ей политической карьеры. Однако в подобных странах можно еще долго «держаться» за счет высокой производительности труда, характерной для высокотехнологичной экономики, а также привлекательности развитых стран для иностранных работников высокой квалификации. Россия же, как известно, пока не может похвастаться ни тем, ни другим. В довольно многочисленной иностранной рабочей силе на территории России, как констатируется в «Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 годы», утвержденной Президентом В.В. Путиным в октябре 2018 г., «значительную долю составляют низкоквалифицированные работники», востребованность которых объясняется «недостаточным в некоторых отраслях экономики уровнем технологического развития и организации труда, сокращением рабочих мест, требующих средней и высокой квалификации труда» [Указ Президента 2018, с. 4]. Российская власть говорит о необходимости построить в стране высокотехнологичную и инновационную экономику, не зависящую от экспорта энергетических и других сырьевых ресурсов, уже давно. Президент Д.А. Медведев в послании Федеральному Собранию 2009 г. назвал модернизацию вопросом выживания страны. Ранее он обозначил пять приоритетов развития: инфраструктура, инвестиции, институты, инновации и интеллект. С тех пор, однако, решающего прогресса в деле модернизации не произошло. Президент В.В. Путин, как известно, в своей инаугурационной речи 7 мая 2018 г. вновь указал на императивный характер «экономического и технологического прорыва» страны. Он неоднократно подчеркивал, что «иначе мы рискуем отстать навсегда». Установка на «прорыв» и на достижение темпов экономического развития выше или хотя бы не ниже среднемировых

воплотилась с помощью его указа в широко освещаемые 12 национальных проектов, которые правительство РФ сейчас наполняет конкретикой, в частности необходимыми средствами.

Можно предположить, что при закачивании в экономику огромных государственных инвестиций определенные положительные результаты будут достигнуты. К этому подталкивает и санкционное давление на Россию со стороны США и их союзников. В нашей стране всегда что-то реально сдвигалось с места только тогда, когда просто не оставалось другого выхода. Однако перспективы «экономического и технологического прорыва», перехода к высокоэффективной экономике, основанной прежде всего на использовании «серого вещества», остаются весьма неопределенными.

Технологический прогресс, восприимчивость экономики к инновациям определяются множеством факторов, но особое место среди них занимает конкуренция. В России, как отмечают многие отечественные и зарубежные специалисты, она сильно деформирована. Главные причины хорошо известны – слишком большой вес государства в экономике (около 70% ВВП), административное и коррупционное давление на бизнес, в том числе со стороны правоохранительных органов, рейдерские захваты успешных предприятий, широко распространенное «кумовство» на уровне региональных и местных элит, неэффективность правосудия, не позволяющая найти судебную защиту. В.В. Путину случалось журить губернаторов за стремление «порадеть родному человечку» при проведении тендеров на государственные закупки, а федеральная власть жаловалась на постоянные просьбы с их стороны об «исключениях» из этой системы. Президент в своем Послании Федеральному Собранию в феврале 2019 г., как известно, вновь обратил внимание на то, что около 45% уголовных дел, заведенных в 2018 г. на предпринимателей, не были доведены до суда. Иначе говоря, речь шла о банальном «доении» бизнеса. Но есть бизнесмены, которые платят правоохранителям, чтобы устранить с их помощью конкурентов.

Более восприимчивы к технологическому прогрессу так называемые дорогие экономики с высокой стоимостью рабочей силы. Конечно, этот фактор подвигает к делокализации ряда производств в страны с дешевой рабочей силой, но всю экономику переместить туда невозможно, кроме того, как правило, условия для ведения бизнеса в дорогих странах значительно лучше. Высокая стоимость рабочего места в условиях конкуренции вынуждает все время совершенствовать технологии, оптимизировать структуру производства и т.д. Напротив, в «дешевых экономиках» с низкими заработными платами этот стимул серьезно ослаблен. Россия, очевидно, относится к данной категории, зарплаты и социальные пособия в ней значительно ниже, чем в развитых западных странах. По размеру средней зарплаты ее обгоняют и такие страны,

как Китай, Румыния или Казахстан. Причем в долларовом выражении или в евро в России она не выросла с 2008 г.

В связи с задачей технологического «прорыва», который невозможен без подъема науки, нельзя не упомянуть также проблему оплаты труда ученых в России. Зарплата ведущего научного сотрудника, доктора наук во многих академических институтах в Москве в среднем едва превышает заработок полуграмотного дворника-мигранта из Средней Азии. В западных странах, особенно в США, Германии, Швейцарии, оплата труда научных работников выше во много раз. Неудивительно, что Россию каждый год покидают тысячи молодых ученых. Можно сколь угодно упрекать их в отсутствии патриотизма, но вряд ли это принесет результат в обществе, где главной религией элит являются деньги. Есть, конечно, те кто возвращаются, но их, к сожалению, немного.

В.В. Путин неоднократно подчеркивал важность для «прорыва» освобождения предпринимательской инициативы. Пока, однако, как показывают социологические обследования, она остается очень скованной, что особенно негативно сказывается на развитии мелкого и среднего предпринимательства. Парадоксальным образом, несмотря на постоянно афишируемую российской властью заботу о мелком и среднем бизнесе, он почти не развивается, а его доля в ВВП страны остается на уровне 20–21%. Для сравнения: в США этот показатель составляет около 58%, в ЕС – 46–48%. Столь высокая доля неслучайна, именно мелкие и средние предприятия придают экономике необходимую гибкость, они быстрее адаптируются к вызовам времени.

Главные причины трудностей мелкого и среднего бизнеса и экономики в целом в России отмечены выше в связи с проблемой конкуренции. В самом широком плане – это слишком большой вес в экономике государственных монополий и государства. Конечно, ни одно современное общество не может существовать без государственно-бюрократического аппарата, но не следует забывать, что он является «необходимым злом». Как известно, в 50-е годы английский автор С. Паркинсон вывел «закон» (названный его именем), который гласит, что любая бюрократическая структура через какое-то время фактически перестает служить цели, ради которой она была создана, и начинает функционировать для самой себя и в самой себе находить оправдание своего существования. С. Паркинсон пришел к этому выводу после стажировки в Министерстве колоний Великобритании. В конце XIX в., когда последняя владела половиной мира, в нем работали 800 человек, и они вполне справлялись со своей задачей. В 50-е годы колоний почти не осталось, но министерство насчитывало уже несколько тысяч сотрудников. Все они были «при деле», изнемогали от бумажной круговерти [Паркинсон 2003, с. 32–61].

Раздувание бюрократического аппарата, его стремление контролировать и регламентировать все и вся и тем самым убивать самодеятельную инициа-

тиву – повсеместная болезнь. Но особенно сильно она поражает те страны, где государству удастся подмять под себя гражданское общество, и где парламент и судебная система не выполняют функцию противовеса исполнительной власти. Отсюда, как подтверждает российская статистика, безуспешность борьбы со слишком большой численностью аппарата, особенно начальников всех уровней, а также с тенденцией изобретать все новые регламенты, ограничения, запреты и т.п. В.В. Путин, как известно, поручил правительству отменить к 2021 г. накопившееся огромное количество устаревших актов, а другие – осовременить с тем, чтобы облегчить экономическую деятельность в стране. Чуть позже, в одном из телевизионных интервью, министр финансов А.Г. Силуанов объяснил, что взамен старых актов будут составлены новые, отвечающие современным реалиям. Есть основания опасаться, что «упрощение» и «облегчение» во многих случаях обернутся противоположным результатом, как это не раз уже бывало в прошлом.

Важным условием устойчивого успешного развития экономики является социальная сплоченность общества, которая невозможна при большом социальном неравенстве и повсеместном ощущении социальной несправедливости. В России не просто намного больше разрыв между малоимущими и богатыми и значительно более распространена бедность чем, к примеру, в странах ЕС. В России начала складываться «новая наследственная знать», основанная не только на передаче детям, внукам, другим родственникам «нажитого тяжким трудом», но также на гарантированном обеспечении руководящих постов в государственных корпорациях, государственном аппарате и различных бюджетных структурах. Конечно, элиты стремятся воспроизводить себя всегда и везде, но в России это приняло самую грубую форму, напоминающую феодальный порядок. Главный порок такой феодально-капиталистической системы – блокировка «социальных лифтов», недостаточное обновление элит с помощью «свежей крови», поступающей снизу, не говоря уже о проблеме социальной справедливости. Замыкание российских элит на самих себе вряд ли можно изменить с помощью введения ЕГЭ или таких нововведений, как конкурс «Лидеры России». Нужна системная политика, включающая в себя правовые и административные меры, а также поддержку соответствующих расследований СМИ и структур гражданского общества.

Закостенелость и недалекий эгоизм российских элит проявляются, в частности, в их упорном нежелании перейти к прогрессивному подоходному налогу, который имеет не только фискальное измерение, но также связан с принципами социальной справедливости и социальной солидарности, что гораздо важнее. Во Франции, например, которую автор знает лучше других стран, более половины населения, в частности многие семьи с детьми, освобождены от этого налога. Среди тех 43% населения, которые платят, ставка

налога начинается с 14%, почти как НДФЛ в России. Для тех, кто побогаче, ставка выше, но особенно много платят реально высокооплачиваемые категории. Для лиц с доходом больше 3,2 млн руб. в месяц ставка достигает 58,8% [Nezosi 2016, p. 55–56]. Конечно, платить им не хочется, но такова цена мощной системы социальной защиты, хороших дорог, развитого здравоохранения, обустроенных школ и вузов, а в конечном счете – отмеченной социальной сплоченности, исключая революционные катаклизмы.

В самом широком плане устойчивость и особенно качество экономики требуют достаточно гибкой политической системы, способной своевременно обеспечивать условия для реформирования экономических и социальных процессов, в соответствии с вызовами времени. Пока что ни одна система не смогла сравниться в этом отношении с демократическим строем. В российских правящих кругах сейчас моден тезис о том, что демократия на Западе является лишь игрой, за которой скрывается власть денег, военно-промышленного комплекса, спецслужб и т.п. Действительно ни в одной стране мира нет демократии в том смысле, в каком ее понимали в древних Афинах, а именно: «народовластия». Везде правят элиты, которые обычно легитимизируют свою власть путем выборов. Вместе с тем в демократических государствах выборы, в силу происходящей во время их настоящей, а не имитационной конкурентной борьбы, делают демократию одновременно игрой и реальностью. Одна из главных причин сегодняшнего кризиса демократии на Западе состоит как раз в том, что игры стало больше, а реальности – меньше. Кроме того, нелиберальные элиты «не заметили», что глобализация нанесла ущерб многим социальным категориям в их странах.

Однако в условиях демократии у населения есть возможность «поправить» свои элиты. В Великобритании это проявилось в форме «Брекзита», в США – путем избрания президентом Д. Трампа, в ряде стран Западной и Восточной Европы – в виде усиления позиций в структурах власти уже упоминавшихся «популистских» партий. Во Франции, где развитая гражданственность и очень сильное недоверие к элитам (французы считают, что те кто пробиваются «наверх», делают это исключительно в собственных эгоистических интересах) сочетаются с традицией боевитости, «коррекция» власти приняла более острую форму. Имеются в виду массовые проявления протеста, прежде всего в виде движения «желтых жилетов».

Российские СМИ очень поверхностно освещали эти события, ставя акцент на повышении цен на бензин в качестве причины протестов и на насильии с двух сторон. Между тем они заслуживают более глубокого анализа, так как речь шла не просто о бунте нескольких десятков тысяч людей, а о конфликте между гражданским обществом и нелиберальной государственной властью, который вызревал в течение многих лет. Избранный в мае 2017 г. Президентом Франции Э. Макрон в целях повышения эффективности

национальной экономики начал осуществлять глубокие преобразования на предприятиях (особенно с государственным участием), на рынке труда, в налоговой сфере, в пенсионной системе и в целом в системе социального обеспечения, в области образования и профессиональной подготовки. Они должны были уменьшить налоговую и социальную нагрузку на предпринимателей, облегчить работодателям увольнение персонала, ослабить роль профсоюзов, а в более широком плане – усилить индивидуальную ответственность французов за свою судьбу. Но молодой и неопытный глава государства, воспитанник Банка Ротшильда («золотой мальчик», как его называют оппоненты), не учел не только приверженности французов «социальным завоеваниям», но и то, что в их глазах указанные реформы обостряли проблемы, копившиеся на протяжении последних десятилетий, в частности обеднение значительной части среднего класса и общее падение покупательной способности населения. Особенно возмутило их то, что Э. Макрон отменил налог на крупные состояния (кроме недвижимости). Политические противники еще до этого называли его «президентом богачей». Отсюда тот факт, что движение «желтых жилетов» вначале поддерживали более 80% населения.

Перед лицом радикальных форм протеста власть сначала растерялась, затем начала проявлять «твердость». Более 17 тыс. человек были задержаны, около 7 тыс. были затем арестованы, 345 человек получили тюремные сроки, почти 1,5 тыс. ожидают рассмотрения дела в суде. В общем, если сосредоточиться только на этой части истории, можно было бы согласиться с российскими критиками демократии. Но история этим не ограничилась. Прежде всего Э. Макрон был вынужден пойти на существенные уступки экономического характера. Около 7 млн французов с низкими доходами¹, в основном трудящиеся, получающие гарантированный минимум оплаты труда (в российском эквиваленте – около 90 тыс. руб.), получили прибавку от 15 до 25 тыс. руб. в месяц. После восьмилетнего перерыва с 1 января 2020 г. возобновляется индексация пенсий по показателю инфляции, а получателям пенсий менее 148 тыс. руб. в месяц был снижен размер взноса в социальные фонды (с 8,8 до 6,6%) [Peilton 2019, p. 2].

Стоит отметить, что цены на большинство промышленных товаров и продуктов питания во Франции сравнимы с ценами в крупных российских городах.

Вместе с тем Э. Макрон организовал по всей стране обсуждение острых проблем французского общества, где каждый мог высказать власти свои озабоченность и пожелания. Президент лично принял участие в ряде из них, в частности в некоторых малых городах и поселках, где особенно много эко-

1. Население Франции насчитывает 67 млн человек.

номических и социальных проблем, а также в парижском пригороде, известном регулярными молодежными бунтами.

Поскольку на данные собрания мог прийти любой житель, ему пришлось услышать очень жесткую критику в свой адрес, временами граничившую с оскорблениями. Следует отдать должное Э. Макрону, он мужественно перенес это испытание, в связи с чем его рейтинг, опустившийся в декабре 2018 г. до 23%, поднялся в феврале 2019 г. до 34% [La côte de popularité 2019, p. 1]. Он обещал учесть многие из требований «желтых жилетов», в том числе политического характера, например рассмотреть вопрос о проведении референдумов «народной инициативы» (т.е. по инициативе определенного числа граждан) и о возвращении в избирательные бюллетени графы «против всех». Правда, позже он от этих обещаний по существу отказался и его рейтинг вновь опустился [Meens 2019, p. 3].

Французская история показывает, что демократия не означает мягкотелости или отсутствие порядка. В России приверженцы либеральной тенденции обычно забывают, что у демократического строя есть два «крыла»: честные, реально конкурентные выборы; правовое государство, означающее безусловное исполнение закона всеми (как властью, так и гражданами) и равенство граждан перед законом. Если второго «крыла» нет, демократия приобретает поверхностный характер, как в нынешней Украине. Вместе с тем французская система проявила достаточную гибкость, в процесс реформ были внесены коррективы, позволившие сбить накал страстей. Движение «желтых жилетов» пошло на убыль, а внимание общества переключилось на выборы в Европейский парламент в мае этого года. По большому счету выиграли все, в том числе и власть, восстановившая контакт с собственным народом.

Конечно, критики демократии могут сослаться на «экономическое чудо» коммунистического Китая. Но в этой стране реформы Дэн Сяопина действительно, а не на словах высвободили предпринимательскую инициативу. Кроме того, как известно, он ввел принцип регулярной смены правящих команд. К этому следует прибавить жесткую борьбу с коррупцией и огромные средства, инвестируемые в образование, науку, технологии, инфраструктуру. На нынешнем этапе поставлена также задача борьбы не просто с бедностью, а с социальным неравенством. Однако по поводу устойчивости «чуда» все же существуют сомнения. Автору трудно удержаться от искушения и не процитировать собственную статью, опубликованную еще в 2000 г. в журнале «Международная жизнь»: «Неясно, сможет ли Китай без ущерба для своего развития преодолеть противоречие между существующей там старой политической системой и новой экономикой» [Чернега 2000, с. 52].

Как оно разрешается, мы видим сегодня. Принцип регулярной смены властных команд отменен, в целом имеет место ужесточение режима. Большинство западных экспертов считают, что рано или поздно это ослабит шансы

Китая в борьбе за экономическое и технологическое лидерство с США. На стайерских дистанциях более гибкая демократическая система всегда выигрывала, как это было в случае соперничества США с СССР. Стоит подчеркнуть, что последний рухнул не из-за поражения в холодной войне (этот миф почему-то укоренился и в России), а из-за проигрыша в экономическом и идейно-психологическом соревновании с Соединенными Штатами и Западом в целом. Конечно, были также «происки внешних врагов», но экономически успешное и социально сплоченное государство подорвать им не по силам.

С учетом всего сказанного выше очевидно, что Россия сможет осуществить экономический и технологический «прорыв» и тем более обеспечить устойчивое качественное развитие экономики лишь при условии проведения серьезных реформ, затрагивающих базовые параметры системы и привилегии правящего класса (в его же собственных долгосрочных интересах). Необходимо прежде всего, как давно предлагают многие специалисты, уменьшить вес государства в экономике, существенно ограничить возможность вмешиваться в экономические процессы со стороны правоохранительных органов, обеспечить значительно большее перераспределение национального богатства в пользу малоимущих слоев населения, уменьшить давление власти на гражданское общество. Система долго оправдывала себя, ее заслугой было обеспечение определенной стабильности, но сейчас она явно исчерпывает себя. Это подтверждается и недавними опросами общественного мнения, впервые зафиксировавшими, что большинство россиян хотят перемен. Все большее число их считает, что «державность» означает прежде всего успешную современную экономику и высокий уровень жизни [Хамраев 2018, с. 2].

Проведение подобных реформ требует одновременно мужества и осмотрительности. В нашей стране уже есть опыт неумелой «перестройки», да и элиты США не скрывают своего желания сменить режим в РФ. Речь, соответственно, может идти о продуманном и постепенном процессе, который, однако, был бы достаточным для того, чтобы люди поверили в реальность перемен. Для начала желательно хотя бы смягчить условия для проведения митингов и демонстраций и вернуть в избирательные бюллетени графу «против всех». Никакой серьезной угрозы для системы это не принесет, но послужит «клапанами» для выхода общественного недовольства и повысит доверие к власти. Кроме того, голосование «против всех», там где оно существует, лучше любых опросов показывает уровень такого недовольства и необходимость внесения корректив в политику государства.

В.В. Путин за время своего пребывания у власти показал себя проницательным и дальновидным политиком, лучше понимающим собственный народ, чем основная масса правящих элит или российские либералы. Но хватит ли ему волевого и политического ресурса, чтобы начать с какого-то

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

момента осуществлять необходимые глубокие перемены – от ответа на этот вопрос зависит будущее России как великой державы.

Библиография

- Паркинсон Сирил Н. Законы Паркинсона. М.: Попурри, 2003. 480 с.
- Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Президент России: Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (Дата обращения: 28.04.2019.)
- Хамраев В. Благополучие дороже величия // Коммерсантъ. 2018. 6 нояб. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3792003> (Дата обращения: 10.12.2018.)
- Чернега В.Н. Шансы России в XXI веке // Международная жизнь. 2000. № 1. С. 50–58.
- La côte de popularité de Macron remonte de 6 points, à 34% // Challenges. 2019. 05 Fév. P. 1.
- Meens C. Sondage: nouveau coup d'arrêt pour Emmanuel Macron // Le Figaro. 2019. 02 Mai. P. 3.
- Nezosi G. La protection sociale. Paris: La Documentation française, 2016. 239 p.
- Peilton L. Quels retraites vont être concernés par la réindexation des pensions? // La Libération. 2019. 30 Avril. P. 2.

References

- Chernega V.N. Shansy Rossii v XXI veke. Mezhdunarodnaja zhizn'. 2000. No 1. P. 50–58.
- Hamraev V. Blagopoluchie dorozhe velichija. Kommersant. 2018. 6 Nov. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3792003> (Date of access: 10.12.2018.)
- La côte de popularité de Macron remonte de 6 points, à 34%. Challenges. 2019. 05 Fév. P. 1.
- Meens C. Sondage: nouveau coup d'arrêt pour Emmanuel Macron. Le Figaro. 2019. 02 Mai. P. 3.
- Nezosi G. La protection sociale. Paris: La Documentation française, 2016. 239 p.
- Parkinson Siril N. Zakony Parkinsona. Moscow: Popurri, 2003. 480 p.
- Peilton L. Quels retraites vont être concernés par la réindexation des pensions? La Libération. 2019. 30 Avril. P. 2.
- Ukaz Prezidenta RF ot 31 oktjabrja 2018 g. No 622 «O koncepcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019–2025 gody». Prezident Rossii: Official Website. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (Date of access: 28.04.2019.)